

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

СВЕКРУХА

Надежда Нелидова

Свекруха

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Свекруха / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966181-4

Сын всегда — отрезанный ломоть. Дочку растишь для себя, а сына — для двух чужих женщин. Для жены и её мамочки. Обидно и больно. «Я всегда свысока взирала на чужие свекровье-невесткины свары: фу, как мелочно, неумно, некрасиво! С превосходством думала: у меня-то всё будет по-другому. Я всегда мечтала о дочери: вот она, готовая дочка. Мы с ней станем подружками. Будем секретничать, бегать по магазинам, обсуждать покупки, стряпать пироги по праздникам. Вместе станем любить сына...»

ISBN 978-5-44-966181-4

© Нелидова Н.

© Издательские решения

Содержание

НЕЖЕНЮСЬНИКОГДАВЖИЗНИ!	6
РОМАШКОВАЯ ВАЛЯ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Свекруха

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6181-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕЖЕНЮСЬНИКОГДАВЖИЗНИ!

– Ма, дай жвачку! Моя кончилась!

– Где-то у меня в сумке... В аптеке купила. «Смолка», на основе кедровой живицы. Природное очищение зубов, никакой химии.

– Смола?! Чтоб изо рта воняло серой, как у Люцифера?! Мам, ну ты даёшь! Тогда я лучше в ларёк по дороге заскочу. За мятным «орбитом».

Фу-ты, как Татьяна сразу не сообразила. Сын же собирается на свидание. Будет целоваться. И не только целоваться. В последнее время Татьянин флакон с интим-мылом пустеет после каждого его уединения в ванной – приходится покупать всё чаще. Недавний грязнулька в последнее время каждый день принимает душ – и не по разу. Без напоминаний меняет нижнее бельё, носки...

Её мальчик – и секс... В голове не укладывается. Вообще-то мальчику двадцать один год. Всё равно странно. У Татьяны, помнится, пока до ЭТОГО дошло, миллионы лет тянулись слабоизученные, от архейских до палеозоя, эры и периоды взросления. Доверчиво цвёл пышный девственный триасовый период детства. Смертно стыли душа и тело в ледниковый период отрочества...

Сын совсем другое дело. Ещё недавно попробуй произнеси невинную фразу: «Вот женишься, будет у тебя свой ребёнок...» Его прямо подбрасывало, колбасило:

– Никогда! Ма, слышишь?! Никогда! Не смей! Этого! Мне!! Говорить!!! Неженюсьникогдавжизни!

Мы с подругами, невольные свидетельницы этого живого вулкана, изрыгающего лавы женоненавистничества, качали головами. Сочувствовали Татьяне:

– Он и в подъезде с девочками не целовался? И в школе косички не дёргал? И портфель никому не носил? Плохо дело. Попомни наши слова: первая же опытная девица его окрутит и проглотит целиком.

Справедливости ради надо сказать, что мы, подруги, были тоже мамами мальчиков. Будущие свекрови. Были среди нас и мамы-одиночки. Татьяна замужем, но всё равно, что мать-одиночка. Муж всю жизнь в работе, увлечённо делает деньги.

Каждый вечер одно и то же. На пороге, не снимая пальто, заговорщически суёт руку в карман: «А что я принёс сынишке?» – «Ула, сникелс!» Сладкую импортную отраву – малышу?!

– Сынок, тебе нельзя! – протестовала Татьяна.

– У-у! Мама похая, папа холосый!

Вот и поговори. Как-то так получилось, что Татьяна не имела права голоса. Может, потому что не работала и жила за счёт мужа. И очень хорошо жила, между прочим. В гайдоровскую реформу, если и потеряла, так разве что бутылку из-под шампанского, набитую советскими медно-никелевыми гривенниками. Кажется, в забитой под горлышко бутылке-копилке умещалось ровно 300 рублей. Татьяна не узнала, так ли: выбросила бутылку с девальвированным содержимым на помойку. Теперь жалела: выставила бы в гостиной на полке как сувенир.

Когда страна голодала и холодала в девяностые годы, Татьяна, под надёжным мужниным крылом, их даже не почувствовала. И до сих недоумённо пожимала плечами: «Да бог с вами, какие лихие девяностые? О чём вы?»

Каждый день – живые деньги. Каждый месяц – коробки деликатесов, ящики мороженой индеек, обёрнутых в тонкую импортную бумагу. Пока мы ломали головы, как растянуть на месяц выкупленный по талонам килограмм ячневой крупы и кусок серого мыла, Татьяна ломала голову: что делать с этими индейками – уже в рот не лезут. Ножки – в жарку, мясо – в фарш, кости – в бульон, остальное в тушёнку.

И что делать с новой шубой (выйти всё равно некуда, а с ребёнком гулять удобней в пуховичке). И какой выбрать гарнитур с заднего хода мебельного магазина, чтобы обставить очередную, всё более расширяющуюся квартиру.

Быть женой такого мужа хорошо. А сыном такого папы – крайне вредно. Никакого мужского воспитания, жаловалась Татьяна. Совершенно странное, неумное понимание отцовства. Сын для мужа – вроде живой игрушки, хомячка.

Пришёл с работы, пощекотал, потормошил, погладил по шерстке, потискал. И – «не мешай, папа устал» – до ночи зависал на телефоне. Величаво, как лев, расхаживал по квартире с длинным волочащимся проводом. Громогласно ругался, жизнерадостно гоготал. Утрясал за границами квартиры свои нескончаемые дела. Дня ему мало.

А «сыниша» рос. На смену сладостям пришли игрушки. Любой «Детский мир» мерк в сравнении с детской сына. Потом пошли приставки с Марио, потом компьютер и модные шмотки. Ну и, наконец, карманные деньги.

Татьяна язвила: «Коль, ты готов сворачивать купюры в трубочку и совать сыну в попу». Муж откупался от сына всем, чего его душенька пожелает – лишь бы не мешал увлечённо делать деньги. Для кого деньги? Да для сынка же, для единственного!

Татьяна вздыхала: если у сына из кармана джинсов выпадает купюра меньше сотенной – тот и не наклонится: «Это не деньги». Сколько она разговаривала с мужем, убеждала, скандалила. Муж отмахивался: «У меня детства не было – пускай хоть у сына будет».

Вместо мужского воспитания – мечтательные разговоры, развалившись на тахте: «Вот стукнет тебе пятнадцать лет, купим крутую тачку и права. Одноклассники в осадок выпадут!»

– Что будет с мальчиком, – вопрошала меня (скорее, себя) Татьяна, – когда он выйдет в жизнь? Когда не будет нас с мужем и деньги с неба перестанут падать? Какими кривыми путями, не дай бог, «сыниша» станет их раздобывать? Как выживет в жизненных джунглях? Беспомощный щенок, вышвырнутый в середину пруда... А вокруг – зубастые, локастые, выросшие в голоде сверстники. Глаза завидующие, руки загребущие...

Именно тогда на двери сыновней комнаты она припилила первый листок с цитатой: «ДАЙ ГОЛОДНОМУ НЕ РЫБУ, А УДОЧКУ». Затем последовали: «ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ – НУЖДА». И ещё: «КОПЕЙКА РУБЛЬ БЕРЕЖЁТ, А РУБЛЬ – ГОЛОВУ» (казацкая пословица). Цитаты адресовались, в первую очередь, мужу.

В день рождения гости принесли дорогую красочную «Энциклопедию для мальчиков». Автор – женщина, нашумевший западный сексопатолог. Вместо того чтобы писать как гвозди забивать или лампочку ввинчивать – энциклопедия, пардон, учила вбиванию и ввинчиванию совершенно иного рода.

150 из 176 страниц уделяли явно повышенное, нездоровое внимание половому созреванию мальчиков. Подробно, с яркими рисунками, описывались эрогенные зоны у партнёров, позы, приёмы... Ужас!

Особо настырно авторша подчёркивали, что «придавать значение кровотоку при разрыве девственной плевы у партнёрши» – это есть дремучее невежество и пережиток прошлого. Татьяна с отвращением захлопнула книгу.

Для себя решила, что её писала глубоко озабоченная редколлегия под руководством старой эротоманки. А может, эта энциклопедия была очередной пункт коварного плана западников по разложению русского подрастающего поколения. Забросила книгу подальше, на антресоль.

Окружающие знакомые малолетки вовсю – как-то само собой у них получалось – уверенно жили с женщинами. У сына первая дата – восемнадцать лет. А он всё один. Начал грубить, потягивать, огрызается, молодой щенок. Воюет перед зеркалом с прыщами.

Однажды Татьяна заглянула в его компьютер. А там в невинной папке «История средних веков» – порнуха, и какая! Она, замужняя женщина, дожив до своих 35 лет, не знала, что можно так... И эдак... Она тогда чуть не рухнула в обморок у компьютера. Нашла телефон детского психолога, договорилась о встрече. В лоб спросила:

– Что делать, если за стенкой сын смотрит разнузданную порнуху?

Знаете что психолог ответил?

– Ни в коем случае не врываться в этот момент в комнату сына! Вы же не хотите, чтобы он у вас стал невротиком и получил ранний инфаркт? А так – застегнёт штаны и примется доделывать алгебру.

– Но какими глазами после этого он будет смотреть на одноклассниц? На учительницу? – ужасалась Татьяна. – На меня, маму, наконец?!

– Да теми же глазами, что и прежде, – успокоил психолог. – Остальное домысливают взрослые в силу своей испорченности.

О, какие они, нынешние психологи.

Хорошо было до революции. Люди ходили в церковь, верили в бога. Постились, усмиряли плоть. Страшились угодить в лапы дьявола. У крестьянских детей вопрос с сексом отпадал сам собой – и женились рано, и до того упаживались на полевых работах, на барщине – дай бог ноги до лавки доволочь.

В дворянских семьях для этого дела имелись горничные, Катюши Масловы. Живые самоучители. Всё на глазах у строгих матерей – почтенных дам. Всё стерильно, с гигиенической точки зрения. Дворянские недоросли сбрасывали сексуальное напряжение, приобретали необходимый опыт. А там поспевал срок, по сватовству, жениться на ангельски невинных душой и телом барышнях из приличных семей. На девушках в белом. На гениях чистой красоты.

Нет никого, а нам и не надо. Сын весь в учёбе. Учителя, а затем институтские преподаватели в один голос прочат огромное будущее. Аспирантура, научные открытия, учёные степени, мировая известность... Татьяна суеверно боится, что её ребенка захвалят. На дверях приколла вычитанную цитату: «Гений – это 90 процентов потения и 10 процентов – вдохновения».

– Ма, ты не представляешь! Это чудо, что мы встретились! При таких необыкновенных обстоятельствах...

Ещё бы, необыкновенные обстоятельства. Однокурсница за соседним столом. Причём, по его признанию, сначала ему особо и не нравилась. Подошла к нему первая, проявила инициативу (навязалась, проще говоря). Повела за собой. Она – ведущая, он – ведомый. Изнеженный, размягчённый, избалованный папочкой. Мягкий, уступчивый – в Татьяну. Потенциальный подкаблучник. Та будет из него верёвки вить, а у Татьяны – сердце кровью обливаться за своего ребёнка.

До поры до времени девица натянула овечью шкурку. Но уже сейчас он подчиняется, подавляется ею. Целая картина складывается из мелочей, как пазлы.

Сын по природе – жаворонок, девица – сова. Он привык ложиться спать в десять. У той в полночь просыпается потребность пощебетать, посиропиться по телефону часика эдак на три. Сын хронически не высыпается, круги под глазами. Трёхчасовые переговоры по мобильнику тоже не полезны. Учёные говорят: от излучения мозга сворачиваются как куриный белок.

Или ещё случай: сын набрал ванну, хочет помыть голову. Торопится успеть высохнуть перед сном. А подружка хочет посидеть в аське. Всё брошено, сына за уши не оттащить от компьютера. Ванна остывает, Татьяна закипает. Ещё не женаты, и уже такая безграничная власть... С глаз бы долой, чтобы не видеть, не нервничать.

Тем более, однушка имеется. Её Татьяна сдаёт за десять тысяч в месяц («На бабские цапки хватает», – снисходительно определяет муж). Ещё есть пустующий загородный дом. В котором, как выяснилось, девица даже успела погостить несколько ночей. Глаза-то небось разгорелись на чужое добро. Ходила прикидывала: кухню переделаю так, спальню эдак.

Спальню Татьяна устраивала с великой любовью и фантазией – это ещё когда у них с мужем были не ночи, а сказки Шахерезады. Обои для спальни... Кстати, рулоны серой грубой дешёвой бумаги, какой принято оклеивать нынче стены, правильно называть не обоями, а оклеями. У Татьяны были именно обои: она обила всю спальню, сверху донизу, японским шёлком насыщенного, глубокого тёмно-синего цвета. Золотые обойные гвоздики мерцали в свете ночника как звёздочки. Засыпаешь среди ночного звёздного неба.

Не для тебя устраивалась эта спальня, милочка. Тоже вот ведь: не прилипла к какой-нибудь голи перекатной, к деревенскому нищему пареньку. Знала кого выбирать. Хищница. Того и ждёт: войти в богатую семью, въехать хозяйкой в шикарные хоромы – на зависть сокурсникам, давящим жиденькие общаговские койки.

– Ма! Давай я вас познакомлю!

Сейчас. Это, извините, серьёзный шаг. Логическая заявка на определённое развитие событий. Знакомство с родителями, затем просачивание тихой сапой в семью, затем свадьба... Разбежались. Татьяна как бы намекала наивному сыну: сколько у тебя ещё таких будет. Со всеми не перезнакомишься.

Да там и смотреть нечего, господа. Видела «нечаянно» подsunутую сыном фотку. Ничего особенного. Модное лошадиное лицо. По моде губастая и зубастая, рот от уха до уха. По телефону слышала: говорит сиплым басом – тоже модно. Татьяну с такой моды воротит.

– Тебя не разберёшь, – упрекаю я Татьяну. – Сама же страдала, жалела его: все парами ходят, а он один. Так мечтала, чтобы он с кем-нибудь встречался.

– Да, мечтала. – парирует Татьяна. – Потому что это необходимо для общего психологического и физического здоровья. Пускай спят вместе сколько угодно, хоть затрах... заспятся: с утра до вечера и с вечера до утра. Три, пять, десять лет. Но если – ребёнок?!!

– Так это счастье: человек родится...

Татьяна захлёбывается в клокочущем фонтане возмущённых аргументов.

– Господа, какой ребёнок?! В Америке женятся и рожают детей в зрелом возрасте. Достигнут высот, встанут на ноги, сделают карьеру – тогда пожалуйста. Только у нас дети рождаются безответственно и внепланово как котят. Страна матерей-одиночек, отцов – алиментщиков и психологически травмированных детей.

Она, Татьяна, и сыну говорила:

– Да ради бога! Живите, но ни-ка-ко-го ребёнка, слышишь?! Ты ещё сам ребёнок. Жизни не видел. Вот и повидай её – жизнь. Нам-то с папой не довелось из-за железного занавеса. Поезди по миру, посмотри людей, покажи себя. Осуществи, чёрт возьми, самые дерзкие мечты. Пока молод – жадно поглощай, черпай полным ковшиком, глотай, кусай её, жизнь. Иначе чем ты будешь отличаться от собаки, привязанной цепью к конуре? Только дурак торопится добровольно посадить себя на цепь: семья – дом – обязанности – ребёнок.

Ребёнок – это, в сущности, конец тебя как личности, вразумляла Татьяна. Считай, твоя жизнь будет закончена. Ты начинаешь жить в ином качестве – жизнью ребёнка. Это крест, который ты ставишь на своей молодой свободной жизни. Ребёнок не обедняет и не обогащает. Просто ты начинаешь переливать свою жизнь в сосуд его жизни. Закон природы.

Так говорила Татьяна сыну – и он, кажется, с ней мысленно соглашался. Но девица! Хозяйкой-то положения была она. При малейшей опасности изловчится и засадит в сына мощный якорь – беременность. И хоть Татьяна наизнанку извернись – снисходительно, с любопыт-

ством будет смотреть на её метания, как таракашки в ладони. В её власти в любой момент – ап! – и таракашка в западне.

Недавно на углу открылся свадебный салон. А в нём целый отдел для... глубоко беременных новобрачных!! Платья хитроумно пошиты так, что под складками и кружевами у невесты восьмимесячный животик с тройней не угладишь. Продавщица хвасталась: очень, мол, те платья пользуются спросом. Интересно, вот бы такой магазин перенести, скажем, в XIX век. Как бы его восприняли тогдашние почтенные матери семейств?

Татьяниними стараниями на сыновней двери появились стикеры с изречениями умных людей. «Женская стихия, которая столь парадоксально щедра к берущим от неё и истребительно-жестока к дающим...» «Удачно жениться – то же самое, что вытащить ужа из мешка с гадюками».

– Как можно решиться сделать выбор, если чувства не обкатаны, не проверены на прочность? Да и о каком выборе идёт речь? У сына никого не было до сей опытной девицы (иначе чем объяснить её столь скоропалительное ныряние в постель?) Ему её даже сравнить не с кем! Во-от! – Мы разговаривали по телефону. Я не видела Татьяну, но знала, как она в этот момент торжествующе подымает палец. – Во-от! Отчего у молодых столько разводов? Да потому что женятся – а потом из любопытства начинают посматривать по сторонам, сравнивать. А сравнивать-то нужно было до свадьбы. Нажиться, нагуляться. Научиться отделять зёрна от плевел, чёрное от белого.

Татьяна не собиралась сидеть сложа руки. Не для того вынашивала, рожала, растила. Слишком большой кровью дался ей сын, чтоб широким жестом делать царский подарок первой встречной.

Так. Выработать стратегию. Скажем, пригласить юную племянницу подружки в гости. Пусть сын оценит истинный нераспустившийся бутон: невинность, розовеющую от взгляда, смущённо потупляющую глаза, стыдливо отдёргивающую руку от случайного прикосновения. Пусть-ка, пусть сравнит со своей: сиплоголосой, прожжённой, прошедшей огонь, воду и медные трубы.

Найти в газете объявление: например, молодая женщина даёт уроки английского языка на дому. Желательно чтобы была одинока. Лет так на 10—15 старше сына. В идеале: чтобы мать-одиночка. Если она не совсем дура, из домашних уроков может проклюнуться нечто более глубокое, интимное. Но не больше. Одинокая намыкавшаяся мать реально смотрит на вещи. Рожать точно не станет...

Тем временем стенд с цитатами пополнил очередной стикер с убийственным по неопровержимой правоте содержанием:

«От 0 до 7 лет. Мама всегда права.

От 7 до 14 лет. Мама иногда бывает не права.

От 14 до 20 лет. Мама никогда не права.

От 20 до 30 лет. Мама иногда бывает права.

От 30 лет. Мама, как же ты была права!»

Возможно, это и стало последней каплей, переполнившей чашу сыновнего терпения.

– Мама, мне ещё нет тридцати лет, когда я оценю твою правоту. А пока позволь мне делать ошибки, на которые я имею право, – сказал сын. И ушёл, сняв со «своей» комнатку.

– Представляешь! – ревниво возмущалась Татьяна, навестив их. – Пока, бывало, дома сына заставишь посуду помыть или за хлебом сходить – сколько препирательств, ворчаний, крика, нервов. А тут, ни слова ни говоря, стирает её лифчики и трусы – срам! Моет полы,

бежит в магазин как бобик. Только что не подпрыгивает и хвостом не машет. Как это больно, больно...

– Я устала, – призналась однажды Татьяна. – И потерпела полное поражение. «Та» не простит мне, это ясно. Никогда не сбыться мечте о кроткой покладистой снохе. Той, которая заменит в старости дочку, подаст стакан воды. Уж «та» отыграется на мне, беспомощной, по полной программе. Но у меня уже нет иного выхода, понимаешь? Я загнана в угол. Пути к отступлению отрезаны, мосты сожжены.

Знала бы Татьяна, какие настоящие житейские бури её ждут впереди. Сокрушительный удар номер один: выяснилось, что много лет за стенами квартиры муж увлекался не столько делами, сколько своей секретаршей. Второй удар: сын со «своей» родили ребёнка, расписались и столь же скоростно разбежались. «Та», ясно дело, не засиделась в разведённых. Сын («Ха-ха-ха, – заливалась Татьяна, – не обращай внимания, у меня истерический смех!») женился на англичанке. Старше его на тринадцать лет, с двумя детьми. Осел возле них надолго – вероятно, на всю жизнь. Попал в ловушку, тщательно устроенную, замаскированную Татьяной. Какая мировая известность, какое огромное будущее... Англичанка устроила его в свою средненькую школу трудовиком – он и доволен.

Впереди по заснеженной дорожке катились два тепло укутанных колобка, толкали коляску. Я обогнала и оглянулась. Татьяна! В румянном морщинистом дедушке-колобке в пуховичке и валенках с трудом узнала Николая, её великолепного мужа-бизнесмена. А в коляске кто?

– Ё-ёсик! Ёсико – колёсико наше! – Татьяна хотела сказать «Лёшик», но из-за не справившихся с умилением, расплзшихся от счастья губ получился «ёсик». Она сразу усала мужа с коляской вперёд, чтобы не разбудить «ёсика» нашей трескотнёй.

Итак, у сына новая семья. У «той» тоже семья. Никому не нужный Лёшик провис между этими двумя полными благополучными семьями. Однажды был глубокий ночной звонок. За дверью маячило ненавистное лошадиное лицо. Скороговоркой:

– Татьяна Сергеевна, я знаю ваше отношение ко мне. Но вы родная бабушка! Меня кладут в больницу по женскому делу, на один день, понимаете (ещё бы не понять, милочка)? Всего один день! Вы можете один день в жизни побыть человеком?! Пусть не со мной – с внуком вашим вы можете быть человеком, я вас спрашиваю?!

А ты, милочка, спрашивала, как Татьяна выкручивалась одна-одинёшенька, когда сын был маленьким? Спрашивала Татьяну, когда вы с сыном ребёнка делали?! И нечего свой крест вешать на других!

Это Татьяна выкрикивала уже в спину «той», в панике, как от погони, громыхающей каблуками по лестнице вниз. На полу в прихожей изгибался в пелёнках «крест», по-мужски терпеливо покряхтывал. Оказалось: мокрый, хоть выжимай. Мокрый и ледяной. «Мама, как же ты была права!» Фразу нужно бы адресовать сыну, да попробуй его выцарапай из-под бока престарелой англичанки.

Подкидыш остался на ночь. Потом, в связи с осложнением у «той», ещё на ночь. И... пока на всю жизнь.

– Знаешь, чего боюсь больше всего? – страдальчески таращит глаза Татьяна. – Что «та» придёт и заберёт Лёшика. Хотя вроде не должна: ждёт ребёнка. Её устраивает сложившееся положение вещей. Подружились с ней и её мужем, представь себе. На что не пойдёшь ради Лёшика. А вот с сыном отдалились, отношения прохладные. Англичанка его, что ли, настраивает против.

– Господи, какие кренделя закручивает жизнь! – Татьяна качает головой, по-деревенски закутанной в платок. Смахивает расписной варежкой снег на скамейке, мы садимся.

– В последнее время философ заделалась. Знаешь, что поняла? Что отцовству и материнству человек научается быть лет в шестьдесят. Не раньше. И начинает понимать это только на внуках. Я сейчас с ужасом думаю: разве мы любили своих детей? Вспомни: да нам вечно некогда было, не до этого, всё бегом, бегом. Дети росли, как обсевки, между делом. Молодость в башке шумела. Гормоны бушевали.

Помнишь, встретимся, одна мечта: скорее бы выросли наши детки, развязали руки, вот тогда заживём! Дуры! – Татьяна поправила платок. – Ничего не соображали. А нужно-то было той любовью... – она подыскивает слова.

– Упиваться ею, глотать, жадно поглощать. Черпать полным ковшиком... – подсказываю, напоминаю Татьяне.

– Злая ты... А у меня, – похвасталась, – на дверях недавно новая цитата появилась. В интернете наткнулась. «Главное в жизни – не любовь, а то, что после неё остаётся». Вот! Про Лёшику думаю: господи, останови время, растяни минуты. Вот мы его купаем – это же такое блаженство, наслаждение: приготовления, суета! Видела бы ты при этом деда: лицо, будто ему самому два годика, и это его в ванночке купают! Кормит кашкой – губами причмокивает. Спать укладываем, ссоримся: кому колыбельную петь. Ревнуем друг к другу, дураки старые... Коля! – трагически вскричала Татьяна. – Дурак старый! Коляску прямо под сосульки завёз! Коля!

Татьяна, мощно, поршнеобразно задвигала бёдрами в толстых лыжных штанах, затоптала к коляске. Тревожиться, спасать, беречь, заботиться. Перетекать в сосуд по имени Ребёнок.

РОМАШКОВАЯ ВАЛЯ

Часть 1

В ординаторской сестра с ночной смены натягивала модные высокие ботфорты. Они не лезли на ногу, она злилась и даже тихонько стонала. Другая девушка надевала накрахмаленную шапочку, глядясь в полированный шкаф. Она надвигала ее на самые брови, как носил главный травматолог, молодой красавец осетин – в него были влюблены все незамужние сестры и врачихи из отделения.

– Собрание сегодня. Видела объявление? – она откинула маленькую головку на лебединой шейке, любуясь собой. – Санитарку Крутикову будут обсуждать. Это которая из терапии перешла?

– Здравствуйте, – сказала первая девушка, тяжело дыша от борьбы с сапогом. – Валу она не знает! Большая такая, белобрысая, с косами. Её ещё «божьей коровкой» зовут.

В коридоре на эту же тему судачили санитарки.

– Ну и развратница Валя! – негодовала старейшая нянечка отделения тетя Катя. – А думали, порядочная женщина. А она развратницей оказалась.

Как раз на днях тетю Катю обсуждали за то, что она проносит в палаты водку и берет деньги за клизмы и горчичники. Тетя Катя, убедительно поревев и раскаявшись на собрании, продолжала делать свое. И теперь негодовала больше всех.

Валя Крутикова... Свои немодные толстые косы она стягивала на концах аптекарскими резинками, увенчанными ядовито-зелеными божьими коровками. Эти детские заколки комически контрастировали с ее по-мужски крупными плечами. И ростом она была высокая: с главного травматолога. Она была уже в годах, около тридцати.

Ее и больные отметили. Когда Валя в первый день выносила из мужской палаты поднос, задела косяк двери. Веселый парень Михаил немедленно припрыгал на костылях и с восхищением обследовал дверь, которая всё ещё вибрировала от соприкосновения с мощным Валиным бедром. Высунулся вслед и присвистнул:

– Вот это санитарочка! Широкая натура!

Валя своими мягкими опрятными руками неторопливо делала санитарские дела. Носила на коромысле ведра из пищеблока, переступая мелко уточкой, как баба, несущая воду из колодца. Выливала и подкладывала чистые судна. Подмывала, чистила раковины и плевательницы, готовила растворы, помогала сестрам ставить капельницы. И однажды, когда штатив сломался, стояла полтора часа вместо штатива и держала на весу бутылку с физиологической смесью. Словом, все ею очень были довольны.

Отделение было большое, на смену выходило сразу три санитарки. За каждой была закреплена своя территория, и все-таки случались ссоры. Например, когда они пили чай в тихий час, и нужно было выписывать больного из «ничейного» изолятора: искать по номерку мешок с одеждой, менять матрацы, белье.

В таких случаях, если тут была Валя, конфликты разрешались мгновенно. Она грузно поднималась, отодвигала блюдечко и говорила ровным невыразительным голосом:

– Будет лаяться-то, я иду, – и шла, бросив в рот карамельку, и делала все, что надо.

– Экая ты беззлая, Валуша, – лстиво заметила как-то тетя Катя. Она, мелко прищепывая, пила чай и умильно утирала сморщенные губы. – Прямо чудо по нынешним временам. Ты и слова не сказала, ты и пошла, ты и сделала.

Валя подумала и ответила:

– Ленивая я. Леню ругаться, пойду и сделаю.

Одевалась Валя плохо: не умела, да и денег, наверно, не хватало. На выход у неё была единственная ядовито-зеленая шёлковая кофточка.

– Ты б, Валентина, следила за собой, – сказали ей полушутя женщины из палаты. – Гляди, парни смотреть не будут.

– Добра-то: парни, – спокойно удивилась Валя. – Вон, девчата не кушают, боятся фигуры испортить. А я кушать люблю.

В столовой она, кроме супа, брала два гарнира, и хлеба брала по шесть кусков, и всё съедала с аппетитом.

Чего никто не подумал бы о «божьей коровке» – она обожала читать. В хозяйственной сумке, с которой ходила на работу, рядом с кульком слипшихся карамелек обязательно лежала библиотечная книга, аккуратно завернутая в газету.

В ночную смену, когда храп неся из палат и из ординаторской, где неудобно на кушетках спали сестры и няньки, только Валя сидела на детском стульчике в коридоре у едва теплой батареи и читала всю ночь напролет (конечно, если никого не привозили).

С её лица не сходило детское радостное изумление. Она негодовала, удивлялась, вскрикивала: «Ах, господи», горестно всплёскивала руками или хохотала, как сумасшедшая, тут же зажимая рот и грозя себе кулаком. В половине пятого утра закладывала свернутым фантиком книгу, еще раз с уважением перечитывала заглавие и фамилию автора, потом шла будить сестер.

И вот эту покладистую добрую девушку должны были судить в вечернюю пересменку. Все с нетерпением ждали вечера, и никто толком не знал, что же натворила Валя. И только тетя Катя нехорошо улыбалась:

– Да уж натворила. Вот тебе и «божья коровка».

Собрание вела второй хирург, интерн. Она его очень хорошо вела, как настоящая судья: глядела в стол, постукивала о пепельницу карандашиком и говорила отрывисто и сурово. А вообще это была очень милая и застенчивая девушка.

– Пожалуйста, Фомина, – пригласила она.

Старшая сестра с горящим лицом, опущенными глазами, решительно простучала на каблучках к столу. И начала высоким дрожащим голосом:

– В травматологическом отделении процветает разврат...

– Фомина... – порозовев, остановила её второй хирург.

Фомина обиделась. И подняла глазки: мелкие, свинцовые, похожие на шляпки гвоздиков. И сходу начала рассказывать, как заглянула вчера вечером в мужскую палату («Я уж и забыла, зачем заглядывала...») – Вспомнила и облегченно закивала головой: «Чтоб форточку открыть. Именно её, форточку!»)

– Вот она, – сестра указала на Валю, – лежала под одеялом на койке больного Лещенюка. Они шевелились и шептались, – это Фомина почти взвизгнула. – Она ещё сказала: «Тихо, миленький, а то услышат», и пусть Крутикова даже не спорит!

Валя и не думала спорить. Она сидела на стуле, опустив на колени большие, изъеденные хлоркой руки. Услышав о строгом выговоре, пошевелилась и вздохнула:

– Не нужно выговора-то. Уволюсь я. Вы только без отработки меня отпустите.

Все опешили. Этого никто не ожидал, тем более откуда было взять на это место такого дефицитного человека, как Валя?! Поднялся страшный гам. Валю окружили, хватили за руки, точно она вот-вот могла убежать, кричали друг на друга...

После собрания я с ужасно испорченным настроением шла в прививочный кабинет. И с порога увидела Валю, которая плакала за шкафчиком с пузырьками. Круглая спина в белом халате ходила ходуном. Пузырьки в шкафу стеклянно позванивали.

Ревела она долго, пока я не устала стоять и нарочно не звякнула стерилизатором. Валя высунулась из-за шкафчика, моргая малюсенькими опухшими страдальческими глазками. Она высморкалась и притихла.

– Что, Валя? Я же знаю, что это неправда. Зачем ты им не сказала?

Она подтвердила сиплым голосом: «Неправда». И, вцепившись в рукав моего халата, заголосила:

– Да правда, правда, только по-другому всё было, честное слово... —

В тот вечер она шла с тазом мимо мужской палаты, и тут ее позвал голос. Валя поставила таз у дверей, вытерла руки и пошла наугад в темноту. По голосу она догадалась, что звал из своего угла Лещенюк – исхудалый сорокапятилетний мужчина, лежащий на деревянном щите с переломом позвоночника.

– Валя, – взволнованно хриплым голосом звал он ее. – Валя, поди сюда.

– Иду, иду. Подушечка нехорошо? Сейчас поправим.

Она уже приподняла утку и двинула под кроватью судно, и убедилась, что они холодны и пусты. Нагнулась и стала ловко переворачивать и приспособливать подушку заново, обняв Лещенюка одной рукой. И тут-то Лещенюк костлявыми руками обхватил Валью за талию и повалил на себя. Она охнула и секунду лежала на нем, распластавшись. Но тут же без труда высвободилась и отскочила за тумбочку.

– Валя, ты где? – тревожно звал Лещенюк, водя руками перед собой, как слепой. – Валя, извини, ради Бога. Я полгода... полгода здесь. Мужик я или нет? Валя, я тебя давно приметил, нравишься ты мне. Валь?..

Он говорил негромко и убедительно:

– Чего калеки боишься, дурочка? Мне бы погладить тебя да обнять покрепче, а, Валя?

– Вот еще выдумали. Нехорошо это. Скоро выпишетесь, жена за вами приедет...

– Черта с два жена, – сказал он зло. – За полгода пяти разов не пришла. Магазиновых плавленных сырков приносила. По две штуки, – и добавил грубо: Так не подойдешь? Не пожалеешь?

Валя молчала.

– Ты вот рядом стоишь, – медленно говорил он, – а я слышу, как дышишь ты, как волнуешься... Какая ты добрая баба, знаю... Какая мягкая, горячая под халатом, как из бани... Ох и ласковая, наверно... Ч-черт! – он всхлипнул, замолчал.

– Этого не хватало! Никак заплакали?! Нельзя вам, врачи же запретили, – всполошилась шёпотом Валя. – Ну, пускай будто иду я. Только стыдно как, ой, мамочки.

Она, вздыхая, присела на край кровати, но он заставил ее придвинуться. Руки у него были ледяные, влажные.

– Ты прямо как мертвец заостенела. Так противно, что ли? – усмехнулся он. – Ну и грудь у тебя... Всё отдай – мало... Как вздрагивает от ударов сердца. Потерпи. Боишься, что ли?

– Вот еще, – сквозь зубы сказала Валя и вздрогнула. – Вы где покалечились-то?

– Производственная травма... Я в управлении строительства... мастером работаю... Работал... Про меня, Вальюша, в городской газете печатали... Читала?... Мастер бригады отделочников Лещенюк...

– Ой, и вправду читала! – сказала радостно Валя.

– Хороший ты человек, Вальюша!

Она попросила шепотом:

– Тихо, миленький, больные проснутся.

Посидела еще немного. Осторожно сняла его обмякшую, согревшуюся руку и, заправляя халат на груди, на цыпочках пошла к дверям.

А там в проёме истуканом стояла Фомина. Валя тоже остолбенела. Но опомнилась, боком протиснулась в дверь и сломя голову побежала прочь, только казенные тапочки гулко хлопали по линолеуму. В конце коридора Валя поскользнулась и со страшным грохотом упала, окончательно перебудив весь этаж.

– Вот так всё и получилось, – закончила, вздыхая, Валя, – Только вы не думайте, что что-то неприличное Лещенюк делал. Он только кофточку расстегнул и руку вот так положил... А больше ничего, – Валя сморщилась и заплакала горше прежнего.

– Ну что ты, глупая, – сказала я, обнимая ее и целуя косы с огорченно вздрагивающими «божьиими коровками». – Хочешь, я расскажу всем, как на самом деле было? Или на другую работу помогу устроиться?..

Валя крепко вытерла платком губы, щеки и нос, и отказалась:

– Спасибо, чего уж, на работу я сама устроюсь. Руки при мне. Да и не о том я плачу. Стала бы об этом, господи.

– Так о чем, дурочка?

Она молчала и комкала платок.

– О чем?

– О чем! – заголосила Валя. – А вы пройдите по палатам да послушайте, что больные говорят, так и узнаете, «о чём». Ну, пройдите, пройдите.

Она еще несколько раз предложила мне пройти по палатам, пока я не напонила, что идёт вечерний обход.

– О чем, – всхлипнула она. – А о чем Лещенюк рассказывает, не слышали? Из соседних палат приходят послушать... Как я на постели к лежащим мужикам бегаю и по... трогать себя даю... Ох, да как вы не понимаете? Ведь на спор он это делал, паразит такой! Меня чтоб проверить, недотрога я или... – Валя замахала от стыда руками. – Мужики, небось, рядышком под одеялами похихатывали.

– Сейчас ужин в женскую палату носила, – вспомнила она. – Бабке одной, с грыжей, даю ее пятый стол, а она срамницей обозвала. В тарелку плюнула...

– Тетя Катя постаралась, – машинально отметила я.

– Как тетя Катя? – удивилась Валя. И махнула рукой: дескать, чего еще на этом свете от людей ждать?

– Может, вам помочь? Пробирки помыть или еще что? Не надо?.. Вы ведь сегодня в ночную? А давайте знаете что? Устроим в бытовке отвальную: вы да я, без шушукалок этих, не люблю. Домой сбегая, кое-чего из съестного принесу. Одна нога там – другая здесь.

Не знаю, какую еду называют самой вкусной в мире. А для меня на всю оставшуюся жизнь наивкуснейшей запомнилась снедь, которую Валя в свой последний вечер щедро на стол выставила.

Хотя и было: картофельное пюре да маринованные грибы. Но было этого пюре – полная эмалированная миска: обжигающе горячего, желтенького, невесомого как пух, нежнейшего, заправленного обжаренными кольцами лука и громадным количеством деревенского масла. А маслята из запотевшей литровой банки: скользкие, величиной с ноготок, с лавровым листиком, чесночком, с горошинками перца... М-м.

Сейчас, на пятиминутках после ночной смены, сидишь и вспоминаешь эту благодать – желудок начинает такое безобразие вытворять, что из приличия кашляешь, двигаешь стулом и лихорадочно, шумно листаешь тетрадку с назначениями процедур...

Валя была в горе. Захмелела от полмензурки спирта и сразу перешла на «ты». Как водится, душа запросила песен.

– Ты давай мне шепотом подтягивай. У тебя по твоей комплекции голос должен быть первым... Ужас как я люблю петь песни на два голоса.

– Рома-ашки спрятались, поникли лютики...

Она, видимо, считала верхом утонченности заканчивать каждую строку мышачьим писком. Я подпевала, даваясь и скисая от смеха, но изо всех сил сохраняла на лице скорбное выражение. В конце Валя недовольно заметила:

– Плохая из тебя партнерша, девушка. Нужно петь жалобно, с подвывом, чтобы слеза прошибала!..

Дальше... Дальше Валя увидела, что со мной переборщила. Сбегала уговорила кого-то меня подменить. Кажется, я всё порывалась идти из бытовки «разобраться».

– Куда?! – ловила меня Валя.

– Счас я твоему экс... эксги... биционисту устрою. Как, говоришь, у него фамилия? Говнюк? Судно у него небось полнёхонькое. Да и уточка тоже. Тётя Катя без тридцатника не вынесет, а откуда у него тридцатник? На голову ему выльем, пускай по уши в дерьме плавает.

Через некоторое время я снова рвалась в палату:

– Счас... Устрою ему небо в алмазах... В бриллиантах...

– Чего бриллиантовая? – не разбирала Валя.

– Зелень! У старшей сестры трехлитровая банка зеленки стоит, я видела. Это беспозвоночное у нас ввек не отмоется!

Валя меня не пускала, всем своим, в центнер, весом, прижимала к кушетке. Мы, изнемогая от смеха, барахтались, что-то уронили, упали сами. Вдруг Валя изменилась в лице: «Фомина!» Я вмиг притихла, а Вале того и надо было. Уложила меня на кушетку, утыкала одеялом.

– Нету никакой Фоминой. Спи давай, хулиганка. А то уволят с треском обеих по статье.

Утром меня разбудил жёсткий, как от сапожной щётки по сапогам, энергичный и крепкий звук. Я подняла с подушки гудящую голову. Свежая как огурчик Валя, склонившись над раковиной, чистила зубы.

Мы попили чаю. Валя сняла халат и аккуратно повесила на гвоздик.

– Мне еще «бегунок» заполнить. Ну, лихом не поминайте.

Из окна было видно, как она размашистой походкой пересекает больничный двор. За плечами при ходьбе воинственно мотались косы с неизменными «божьими коровками».

Долго были видны два ядовито-зеленых огонька.

Часть 2.

Три человека пили чай за кухонным столом в маленькой московской квартире. В напряжённых позах, молчании, в преувеличенно бесшумных глотках чувствовалось, что троим людям крайне неловко, некомфортно вместе за столом. Гостя – очень полная, крупная девушка в шёлковой ядовито-зеленой кофточке, по которой скользили тяжёлые крупные косы. На солнечном свету косы, несмотря на свою толщину и тяжесть, делались прозрачными и воздушными. Густая опушка выбивающихся волосинок окружала их сиянием.

Девушка почти уткнулась носом в чашку с чаем. Мать и сын избегали смотреть друг на друга. Мать, Софья Викторовна – миниатюрная, держащаяся очень прямо, очень следящая за собой женщина. Сын Владик – тонкокостный молодой человек с бледным и слегка отечным, после ночных бдений у компьютера, лицом.

Они были похожи, мать и сын, хотя он был выше её в полтора раза. Сегодня утром легко подхватил и закружил её по комнате, а она, задыхаясь от смеха, тревожно выкрикивала: «Владик же, прекрати, ненормальный! Надорвёшься!»

Они так долго не виделись, два года армии. Всё это время невыносимо тосковали и поняли, как бесконечно дороги и близки друг другу. И эти нежность и особая предупредительность в отношениях еще не забылись, не перетерлись после его возвращения. Он точно опять маленький сделался и позволял матери хлопотать над ним, расслабленно блаженствовал и барахтался, как в детстве, в заботливых материных руках. Хотя по-настоящему это она барахталась в его руках и кричала: «Владик, надорвёшься!»

На кухне стол был накрыт к завтраку: булькал старый тусклый кофейник, в тарелке парила сладкая вязкая, как он любил, рисовая каша с озерцом масла, в блюде нарезанные свежие сыр и ветчина. У стола путалась под ногами и вносила весёлую сумятицу собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.